

КЕРЧЬ — ГОРОД В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ, ОСВЯЩЕННОМ ИМЕНЕМ А. С. ПУШКИНА

Помню в Коктебеле, в Доме-музее М. А. Волошина, отложилось в памяти его ранее не встречавшееся двестишь:

Эти пределы священны уж тем, что однажды под вечер

Пушкин на них поглядел с корабля, по дороге в Гурзуф...

Керчи повезло больше. Здесь Пушкин впервые ступил на Крымский берег. «С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма. Морем приехали мы в Керчь...» [1] Событие имело место 15 августа (27 по н. ст.) 1820 года, в воскресенье вечером [2]. «И зрит пловец — могла Митридата озарена сиянием заката» — память зафиксировала и через восемь месяцев вернет востребованное [3].

Ожидал: «Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи...» [4]

Увидел, вечером 15 августа: «...на ближней горе посередине кладбища увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных, заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю» [5]. Утром, 16 августа, по дороге в Феодосию: «За несколько верст остановились мы на Золотом холме. Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землею, — вот все, что осталось от города Пантикапеи» [6].

Вывод, не утративший актуальности: «Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землей, насыпанной веками; какой-то француз прислан из Петербурга для разысканий — но ему недостает ни денег, ни сведений, как у нас обыкновенно водится» [7].

Пушкин искал гробницу, которой в Керчи никогда не было: Митридат VI Евпатор (ок. 132–63 гг. до н. э.), по распоряжению Помпея — римского полководца, был похоронен, с надлежащими царю почестями, на родовом кладбище в Синопе. Там, где позже поэт безуспешно искал гробницу, под толщей земли ждали исследователя руины Пантикапеи, за которые Пушкин принял крепиду Золотого кургана и отходящий от него, так называемый, Тиритакский вал. Об

этом поэт узнает позже, прочитав книгу И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» [8]. Напишет А. А. Дельвигу из Михайловского, в декабре 1824 г., удивляясь несовпадению собственных впечатлений с увиденным здесь автором «Путешествия...»: «Путешествие по Тавриде прочел я с чрезвычайным удовольствием. Я был на полуострове в тот же год и почти в то же время как и И. М. (Пушкин был в августе, Муравьев-Апостол в сентябре — С. М.). Очень жалею, что мы не встретились...» [9] А через несколько строк в письме фраза, которая будет «терзать сердца» не одного поколения керченских краеведов: «Я тотчас отправился на так называемую Митридатovu гробницу (развалины какой-то башни); там сорвал цветок для памяти и на другой день потерял без всякого сожаления» [10].

Расставшись с мыслью о гробнице, напишет в одном из вариантов «Путешествия Онегина»: «Он видит Керчь уединенный на Митридатове холме» [11]. То, что воспринималось могилой великого Митридата, символизовавшего для молодого Пушкина стремление к свободе — борьба Митридата с Римом, станет тем, что есть — холмом.

Холм этот — восточная оконечность Митридатовой гряды. Здесь кончается материковая Украина. Восточнее — Керченская бухта — территориальные воды Украины. Но вода не земная твердь...

Керчь не поразила воображение поэта, но оставила город в культурном пространстве, освященном его именем.

Владислав Ходасевич в известном «Колеблеме треножнике» отмечая вспышки интереса к Пушкину в переломные моменты российской истории, говорил, что «это мы уславливаемся, каким именем нам аукаться, как нам перекликаться в надвигающемся мраке» [12].

Интерес к Пушкину в Керчи и в Крыму в целом обострился в 1988–1989 гг. Чувствовали ли мы «надвигающийся мрак»? Однозначного ответа нет. В 1989 году отмечалось 190-летие со дня рождения поэта и это могло стимулировать интерес.

В отдел «истории дореволюционного прошлого», который я тогда возглавлял, пошел поток посетителей — краеведы, учителя, школьники. Чтобы удовлетворить первоначальный интерес подготовил историческую справку «О пребывании А. С. Пушкина в Керчи». Появились интересные газетные публикации — профессора Симферопольского госуниверситета В. И. Казарина, в том числе совместно с Э. В. Яковенко (1934–1998) профессором, первым директором Керченского заповедника, созданного в 1987 г. [13].

Вместе с художником Иваном Яковлевичем Гринчуком (1941–2000) подготовили передвижную фотовыставку «Пушкин и Керчь». Жизнь фотовыставок коротка. Однако, востребованность темы и прекрасное оформление продлили ее существование на одиннадцать лет, пока во время проведения очередного «дня

встречи Пушкина» в Керчи (проводится 27 августа) в 2000 г. она не стала жертвой обрушившегося на нас ливня. Увы, ее не возобновить. Рано ушел из жизни замечательный человек и талантливый художник Иван Яковлевич Гринчук, посвятивший пушкинской теме множество живописных и графических работ.

Как нет уже с нами другого замечательного человека, энтузиаста, пушкинолюбца, краеведа Василия Семеновича Тарбаева (1931–2001). Чувства добрые, пушкинской лирой пробужденные, помогли в тяжелые годы войны юному, беспризорному Васе Тарбаеву не зачерстветь душой, выстоять. И он, — человек, отдавший большую часть жизни Учительству, в переживаемое нами время нравственного разора, видел спасение в Пушкине, — «потому, что он — сын гармонии, поэт» [14]. Сотни лекций и бесед были прочитаны им в разных, преимущественно школьных, аудиториях. Много разных инстанций посещено, чтобы в год 200-летия появился на набережной в Керчи памятник, пусть небольшой, великому Пушкину.

Но до того как появиться памятнику, изучив имеющиеся картографические материалы первых десятилетий XIX века, мы определились с местом, на котором располагался причал [15]. Установили на этом месте в 1990 году, (отмечалось 170 лет со дня посещения А. С. Пушкиным Керчи) закладной камень к будущему памятнику. Как вспоминал В. С. Тарбаев: «Выступивший при закладке камня скульптор Роман Владимирович Сердюк (1928–1991) рассказал о том, что макет знака давно уже готов и дальнейшая работа стоит из-за принятия решения городскими властями» [16]. Воплотить самому свой замысел Роману Владимировичу не удалось. Это сделали его более молодые коллеги — скульпторы Виктор Будин и Александр Мельник.

Я упомянул не всех активистов пушкинского движения в Керчи, а только тех, с кем тесно сотрудничал. Более полную картину это движение воссоздал В. С. Тарбаев в книге «По керченским следам А. С. Пушкина», — которую он считал «лебединой песней» [17].

По керченским следам поэта «протоптали» мы, по инициативе Тарбаева, экскурсионную тропу. Условившись, «каким именем нам аукаться» [18], мы трижды в год собираемся у памятника поэту: в феврале — день памяти, в июне — день его рождения и в августе — время посещения поэтом нашего города.

Память о поэте жива, и в топонимике города — его именем названа улица, школа, библиотека, центральный дом культуры, историко-археологический музей.

Инициатором этого небольшого сообщения выступила сотрудница Института проблем современного искусства Академии искусств Украины, кандидат искусствоведения Лариса Георгиевна Ганзенко, которая по долгу службы посетила наш заповедник. Мы осматривали город, и в такси, начав рассказывать ей о наших «пушкинских» традициях, я обронил цитату из Блока: «Наша

память хранит с малолетства веселое имя Пушкин». Шофер, крымский татарин, отреагировал сразу, продекламировав пушкинского «Узника».

1. *Пушкин А. С. Письма. Т. 1 1815–1825 гг. / Под. ред. Б. А. Модзалевского. — М.; Л., 1926. — С. 13.*

2. О том, сколько времени провел А. С. Пушкин в Керчи, см.: *Казарин В. И. «К пределам дальным» (Очерки путешествий А. С. Пушкина по Крыму). — Севастополь, 1994. — С. 32–24.*

3. Строки из стихотворения «Кто видел край, где роскошью природы», датированного апрелем 1821 года. См.: *Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. — Изд. 3-е. — М., 1963. — Т. 2. — С. 54.*

4. *Пушкин А. С. Письма... — С. 13.*

5. Там же.

6. Там же.

7. Там же.

8. *Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 годе. — СПб, 1823.*

9. *Пушкин А. С. Письма... — С. 107.*

10. Там же.

11. *Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. — Изд. 3-е. — М., 1964. — Т. 5. — С. 202.*

12. *Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник // Светлое имя Пушкина. — М., 1988. — С. 165.*

13. См.: *Казарин В. И., Яковенко Э. В. Пушкин и легенда о «Митридатом гробе» // Крымский комсомолец. — 1991. — 16 февраля. — С. 5; Казарин В. И., Яковенко Э. В. Пушкин и «Золотой холм» // Керченский рабочий. — 1993. — 5 июня. — С. 3.*

14. *Блок А. О назначении поэта // Светлое имя Пушкина. — С. 151.*

15. Центральный государственный военно-исторических архив. — Ф. ВУА. — Д. 22016. «Генеральный план Керченской крепости с показанием вокруг лежащей ситуации...», 1811 г.

16. *Тарбаев В. С. По керченским следам А. С. Пушкина. — Изд. 2-е. — Керчь, 2000. — С. 77.*

17. Там же.

18. *Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник... — С. 165.*